

Власова Юлия Юрьевна

[ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В "НОВОЙ ДРАМЕ" \(НА ПРИМЕРЕ РАННИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ДРАМЫ Г. ГАУПТМАНА "ОДИНОКИЕ"\)](#)

В статье предпринята попытка анализа пространственной организации произведений "новой драмы" на примере ранних русских переводов драмы Г. Гауптмана "Одинокие". Смысловая насыщенность пространственного фона, принципиально важная в "новой драме", становится более очевидной в рецептивном аспекте, чем и обусловлено обращение к переводам драмы Гауптмана. Помещенное в иноязычное культурное пространство, произведение Гауптмана не только раскрывает свои наиболее существенные черты, но и демонстрирует возможность множественных интерпретаций.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/18.html

Источник

[Филологические науки. Вопросы теории и практики](#)

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. I. С. 74-76. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-1/

[© Издательство "Грамота"](#)

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

IMPROVING THE COMMUNICATIVE EFFICIENCY OF COURT DISCOURSE WITH THE HELP OF NON-VERBAL INFLUENCE MEANS (ON THE BASIS OF FICTION PROSE)**Tatyana Mihaylovna Vlasova***Department of Foreign Languages
Far-Eastern State University
vlasova@vimo.dvgu.ru*

It is shown in this article how the use of non-verbal communication means (both phonetical and kinesical) can noticeably improve the efficiency of influencing the trial participants and simplify the solution of the set communicative problems. Specific techniques which are usually used with that purpose are considered.

Key words and phrases: professional discourse; communication; non-verbal communication means; influence; oral public speech.

УДК 82-2

В статье предпринята попытка анализа пространственной организации произведений «новой драмы» на примере ранних русских переводов драмы Г. Гауптмана «Одинокое». Смысловая насыщенность пространственного фона, принципиально важная в «новой драме», становится более очевидной в рецептивном аспекте, чем и обусловлено обращение к переводам драмы Гауптмана. Помещенное в иноязычное культурное пространство, произведение Гауптмана не только раскрывает свои наиболее существенные черты, но и демонстрирует возможность множественных интерпретаций.

Ключевые слова и фразы: рецепция; перевод; «новая драма»; смысловая насыщенность пространственного фона; экзистенциальная проблематика.

Юлия Юрьевна Власова*Кафедра гуманитарного образования и иностранных языков
Юргинский технологический институт (филиал) Томского политехнического университета
JuliaVlasova@mail.ru***ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В «НОВОЙ ДРАМЕ»
(НА ПРИМЕРЕ РАНИХ РУССКИХ ПЕРЕВОДОВ ДРАМЫ Г. ГАУПТМАНА «ОДИНОКИЕ»)®**

Пространственная организация получает в «новой драме» особое значение. Как отмечает Н. Е. Разумова, в «новой драме» «большой», непостижимый мир вытесняет с центральной позиции и подчиняет своим законам человека, который становится лишь частью его, а не центром и законодателем.

При этом пространство не просто характеризует героя, но даже подавляет его (как, например, в чеховской «Чайке» «роковое» озеро, на берегу которого разыгрываются все самые драматические сцены пьесы) [5, с. 127].

В «Одиноких» пространственная организация основана на противопоставлении «малого», замкнутого, и «большого» мира. Противопоставление, но вместе с тем и «переливчатость» этих двух миров в драме становится метафорой, выражающей важную для пьесы идею: наличие разных вариантов человеческого существования и в то же время их трагическое единство.

Сложность «взаимодействия» «большого» и «малого» миров заявлена у Гауптмана уже в первой ремарке, открывающей действие пьесы:

«Die Vorgänge dieser Dichtung geschehen in einem Landhause zu Friedrichshagen bei Berlin, dessen Garten an den Müggelsee stößt <...> Zwei Bogenfenster und eine Glastür der Hinterwand gestatten den Blick auf eine Veranda und einen Ausblick über den Garten, auf den See und die Müggelberge jenseits» [6, S. 260]. (События этого произведения происходят в загородном доме во Фридрихсхагене, около Берлина; сад, принадлежащий этому дому, примыкает (граничит с) к Мюггельскому озеру <...> Два сводчатых окна и стеклянная дверь в задней стене позволяют взглянуть на веранду и обозреть через сад озеро и Мюггельские горы по ту сторону (здесь и далее подстрочный перевод мой - Ю. В.).

Сад как принадлежность дома оказывается в сложных «взаимоотношениях» с «внешним» миром: при переводе глагола «stoßen» могут быть использованы два значения - 'присоединяться, примыкать' и 'граничить' (причем значение это указывает скорее не на разделение, а на смежное расположение). Таким образом, это «промежуточный пункт» между двумя пространствами, одновременно разделяющий и «сливающий» их в одно целое. Более конкретна семантика окон и двери как выражения «домашнего» мира семьи Фокерат.

При этом виды, которые из них открываются, «неравноценны»: на веранду как все ту же принадлежность «малого» мира достаточно лишь ‘взглянуть’, тогда как озеро и горы (причем по *ту* сторону) - зрительные образы «большого» мира - требуют обозрения («Ausblick» - ‘вид, перспектива, обзор’). Так сразу же задается оппозиция между неполноценным, ограниченным и не заслуживающим внимания «малым» миром и «перспективным», безграничным большим. В то же время есть точка соприкосновения, «перетекания» этих двух миров друг в друга.

В ранних русских переводах драмы эта модель организации нарушается. В переводе О. Поповой, эта скрытая оппозиция между домом и озером с горами, видимо, осталась совсем не замеченной: переводчица сводит воедино, «уравнивает» и веранду, и сад, и озеро. В такой трактовке пейзаж теряет свою особую смысловую нагрузку, становясь исключительно местом действия:

«События этого произведения происходят на даче в Фридрихсхаге, около Берлина; сад этой дачи подходит к самому Мюггельскому озеру <...> два сводчатых окна и стеклянная дверь в задней стене сцены открывают вид на веранду и в сад, на озеро и на Мюггельские горы, находящиеся по ту сторону озера» [2, с. 3].

У Н. Эфроса намечено разделение двух пространств, но они выступают как равноценные:

«События этого произведения происходят в загородном доме, во Фридрихсхагене, около Берлина; сад, принадлежащий к этому дому, граничит с Мюггельским озером <...> В два полукруглые окна и в стеклянную дверь, в задней стене, видны: веранда, сад, озеро и Мюггельские горы по ту сторону озера» [1, с. 127].

В переводе В. Саблина два плана, ближний и дальний, разделены; но сад при этом уравнивается с верандой:

«События этого произведения происходят в загородном доме в Фридрихсхагене, около Берлина; сад примыкает к Мюггельскому озеру <...> Через два сводчатых окна и стеклянную дверь в задней стене видны веранда и сад, а за ним озеро и по ту сторону его - Мюггельские горы» [3, с. 73].

Особую смысловую насыщенность в этих зрительных образах получают озеро и связанные с ним горы. Образ озера семантически насыщен у Гауптмана, характеризуется «переливчатостью» [4, с. 62] значений. По мнению Н. Е. Разумовой, образ озера, соединяющий в себе манящую красоту и смерть, приобретает в драме характер некой надбытности. Смерть в семантике озера является оборотной стороной бытийной масштабности, и именно Иоганнесу дается она в удостоверение его особого статуса среди персонажей [5, с. 318]. Только через него образ озера раскрывается в своей символической полноте, заданной автором. Для него озеро становится символом свободы, преодоления душевного плена. При этом то изначальное единство, в котором в представлении героя неразрывно сосуществовали озеро и дом, разрушается. Иоганнес в конце концов начинает ощущать себя «узником» в доме с парком, окруженном высокой стеной и отделенном от большого мира озером и горами:

«Johannes: Schauerhaftes Nest überhaupt... Ich bleib auch nicht hier <...> soll ich wohl nun hier ruhig verkommen» [Там же]. (Иоганнес: Вообще отвратительное гнездо... Я тоже не останусь здесь <...> что, я должен теперь тут спокойно опускаться).

В этой реплике возникает вертикальное направление: именование соотносится героем с «низом», что для Иоганнеса означает катастрофическое прозрение об иллюзорности своей свободы и равновеликости миру.

Переводчики теряют этот вектор, переводя вместо «verkommen» (‘опускаться’) - «пропадать» (Попова и Эфрос) и «погибать» (Саблин) и в целом упрощая значение этой реплики, сводя ее к достаточно традиционному в русской литературе представлению об усадьбе как о чем-то статичном, сонном и даже мертвом и губительном (например, в «Обломове» у Гончарова). У них именование предстает скорее как ‘дно’ жизни, в котором теряется духовный потенциал личности Иоганнеса.

Очевидно, такая трактовка подсказана во многом выражением «Schauerhaftes Nest» (‘отвратительное гнездо’): у Эфроса «дыра», у Саблина - «захолустье». У Поповой переведено «противное гнездо», что гораздо ближе к оригиналу.

Таким образом, в «новой драме» не только непосредственно персонажи, их поступки, речевые и портретные характеристики, но и такие компоненты, как пейзаж, интерьер, как и вообще любая деталь, работают на смысловое наполнение сюжета, расширяют и углубляют его философский план. В переводах пьесы «Одинокие» предпринята попытка семантизировать пространственный фон, но в рамках социологической трактовки, актуализации лишь одного из пластов, все-таки не принципиального для понимания концепции драмы. Антитеза герой-социум, намеренно размытая и сведенная в конечном итоге у Гауптмана на нет, у переводчиков становится во главу угла, тем самым затемняется бытийный уровень противостояния личности и всего мира, интерпретированного драматургом в экзистенциальном ключе.

Список литературы

1. Гауптман Г. Одинокие: драма в 5 д. М.: Рассохин, 1899.
2. Гауптман Г. Одинокие люди: драма в 5 д. СПб.: Тип. Попова, 1899.
3. Гауптман Г. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Ф. Маркс, 1908-1909. Т. 2.
4. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство иностранной литературы, 1962.
5. Разумова Н. Е. Творчество А. П. Чехова в аспекте пространства. Томск, 2001.
6. Hauptmann G. Ausgewählte Dramen: in 4 Bänden. Berlin: Aufbau-Verlag, 1956. Bd. I.

SPATIAL ORGANIZATION IN “NEW DRAMA” (BY THE EXAMPLE OF EARLY RUSSIAN TRANSLATIONS OF G. HAUPTMANN’S DRAMA “LONELY ONES”)

Yuliya Yuryevna Vlasova

*Department of Humanitarian Education and Foreign Languages
Yurga Technological Institute (Branch) of Tomsk Polytechnic University
JuliaVlasova@mail.ru*

In the article the attempt to analyze the spatial organization of “new drama” works by the example of early Russian translations of G. Hauptmann’s drama “Lonely ones” is undertaken. Notional richness of spatial background which is principally important in “new drama” becomes more obvious in receptive aspect that is why Hauptmann’s drama translations are considered. Placed in foreign cultural space Hauptmann’s work not only reveals its most important features but also demonstrates the possibility of multiple interpretations.

Key words and phrases: reception; translation; «new drama»; notional richness of spatial background; existential problematic.

УДК 81'42

В статье обсуждается роль этнокультурных особенностей в конверсационном дискурсе и проблема успешной межкультурной коммуникации.

Ключевые слова и фразы: язык и культура; коммуникативное поведение; конверсационный дискурс.

Гаянэ Рубеновна Власян

Кафедра теории и практики английского языка

Челябинский государственный университет

VlasyanGR@yandex.ru

РОЛЬ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ В КОНВЕРСАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ®

Немаловажную роль в организации конверсационного дискурса играет знание культурологических особенностей той страны, на языке которой строится дискурс.

«Культура диалогична по своей природе, и это проявляется с наибольшей яркостью: во-первых, в ее незавершенном, открытом характере, а, во-вторых, в ее «пограничности», поскольку она не имеет «своей» территории. Культурный акт существует только в диалоге, на границе «инакосмысла»; «отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, вырождается и умирает» [3, с. 25].

Материальные и духовные составляющие культуры одного общества, как правило, не совпадают с элементами культур других народов. Человек и культура неразъединимы. Каждый человек принадлежит к определенной, исторически обусловленной культуре.

Одним из составляющих объектов культуры является язык. Сложный и многоаспектный вопрос о соотношении языка и культуры является центральным в современном языкознании. Несмотря на существенные расхождения в подходе к отношениям между культурой и языком, большинство исследователей единодушны в том, что язык является частью культуры народа. Язык обеспечивает индивиду возможность идентифицировать себя в качестве представителя определенного этноса. Ключевой идеей в современной лингвистике является идея антропоцентричности языка. В центре всего изображаемого словом стоит человек - он сам и всё то, что воспринимается им как его окружение, сфера его бытия. С позиции антропоцентрической парадигмы человек познаёт мир через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нём. Данную парадигму характеризует переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке.

Конверсационный дискурс, как языковая единица представляет собой результат речевого взаимодействия двух, трех и более людей. Одной из своих сторон он обращен к ментальным факторам участников коммуникации: этнографическим, психологическим и социокультурным правилам и стратегиям, которые сопряжены с коммуникативным поведением. Под коммуникативным поведением понимают реализуемые в коммуникации правила и традиции общения той или иной лингвокультурной общности. Коммуникативное поведение говорящего и адресата в большой степени обусловлено тем, к какой национальной культуре принадлежит коммуникант, какие нормы и конвенции приняты в обществе, частью которого он является. В процессе речевой деятельности используются не только универсальные и индивидуальные стратегии, но и этнокультурные.